

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

Ж.-П. САРТР – ЗАЩИТНИК И. БРОДСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов Ж.-П. Сартра на роль интеллигенции в современном мире. Проблема оказалась для писателя злободневной в связи с судебным процессом над И. Бродским в СССР. Не добившись отмены приговора над поэтом, Сартр стал работать над книгой, специально посвященной теме интеллигенции. Его книга «В защиту интеллигенции» обращена к анализу деятельности людей творческого труда, к выявлению роли интеллигенции в жизни общества. Поэтому Сартр прежде всего излагает свои взгляды на миссию данного социального слоя? Он размышляет над тем, кого можно считать интеллигентом и каковы его функции в обществе. Сартр защищает интеллигентов, которые по определению должны быть в оппозиции по отношению к власти, от нападок, критически относится к тезису о якобы предписанных интеллигенции только духовно-охранительных функциях. В основе статьи лежит теоретический анализ взглядов Ж.-П. Сартра на проблему интеллигенции. Опираясь на содержание книги писателя, автор ставит вопрос о предназначении интеллигенции, акцентируя внимание на феноменологии знания и потребности общества в реализации социально-критической функции. Новизна статьи обусловлена тем, что книга Ж.-П. Сартра и его идеи, связанные с анализом феномена интеллигенции и её роли в обществе, не были известны российскому читателю. В статье отмечено, что Сартр характеризовал современные техники практического знания тремя важными чертами. Отмечено, что интеллигент почти всегда остается агентом практического знания, т.е. применяет присущие этому знанию методы исследования к анализу лежащей за порогом его компетенции реальности. Показано, что интеллигенты обязаны своим появлением противоречию между универсалистскими потребностями своей профессии и партикуляристскими интересами господствующего класса.

Ключевые слова: интеллигент, функции интеллигенции, практическое знание, идеология, писатель, прaxis, знание, элита, лжеинтеллигент, социальная критика.

Существует ли среди интеллигенции круговая порука? Должны ли философы, писатели, художники поддерживать тех деятелей искусства, которые по тем или иным причинам попали в опалу или стали предметом критики? Инцидент с Андреем Макаревичем вновь активизировал обсуждение этих вопросов. Не всем читателям известно, что полвека назад французский писатель Ж.-П. Сартр обратился к руководителю Советского государства с письмом, в котором он взял под защиту Иосифа Бродского. В письме Сартр объяснил мотивы своего обращения и назвал себя другом великой страны. В основном он сообщал о том, что западные противники мирного сосуществования взяли на вооружение «дело Бродского». Антисоветская пресса воспользовалась данным инцидентом и начала широкую кампанию в пользу поэта. Сартр наивно полагал, что суд над Бродским – досадное исключение в

практике советского правосудия. Между тем западные интеллектуалы получили возможность упрекнуть советскую власть в неприязни к интеллигенции и антисемитизме. Сначала до первых месяцев 1965 года люди искусства, которые положительно относились к СССР, были уверены, что решение суда будет пересмотрено. К сожалению, отмечает Сартр, время шло, а ничего не было сделано. Французский писатель сообщает, что атаки врагов СССР становятся все более и более ожесточенными. Ему лично постоянно предлагают изложить публично свою позицию по этому вопросу. Он все время отказывается, но молчать становится столь же трудно, как и отвечать. Сартр утверждает, что весьма трудно внутри любой общественной системы пересматривать уже принятые решения. Но он рассчитывает на глубокую человечность руководителя СССР и на его заинтересованность в усилении культурных связей между

Востоком и Западом в усилении идеологической борьбы. Сартр подчеркивает, что его сугубо личное письмо и просит во имя моей искренней дружбы к социалистическим странам, на которые мы возлагаем все наши надежды, выступить в защиту очень молодого человека, который уже является или, может быть, станет хорошим поэтом.

Через несколько лет Сартр выпустил книгу «В защиту интеллигенции»¹. В этой работе он проводит мысль о том, что интеллигенции имеет право вступать в спор с представителями официальной, господствующей идеологии. Работа состоит из трех глав: «Кто такой интеллигент?», «Функции интеллигенции», «Является ли писатель интеллигентом?».

Что заставило писателя выступить с такой книгой? В прессе послевоенной Франции было множество всевозможных выпадов против интеллигенции, которую обвиняли в забвении предписанных ей духовно-охранительных функций, в переходе на позиции негативно-критического отношения к власти, в стремлении противопоставить разумному эмпиризму политиков абстрактно-идеалистическую мораль.

В основе этих объяснений, по мнению Ж.-П. Сартра, лежит убеждение в том, что интеллигент – это человек, который вмешивается не в свои дела. Получив определенную известность в какой-либо отдельной сфере умственного труда, интеллигент, как полагают критики этой социальной страты, начинает злоупотреблять ею и выходит за рамки своей компетенции, когда ставит под вопрос совокупность принятых в обществе идей и моделей поведения во имя той или иной глобальной идеологической концепции, неприменимой и поэтому ложной в современных условиях, для которых характерно чрезвычайное, несводимое к общему знаменателю разнообразие конкретных проблем.

Чтобы разобраться в сущности обвинений, полагал Сартр, нужно прежде всего выяснить, кто же такой интеллигент, каково реальное содержание и значение признаваемых за ним обществом функций, что побуждает его выходить за пределы установленной компетенции.

В современном обществе, по мнению Сартра, разделение труда позволяет закреплять за различными группами людей строго разграниченные задачи, которые вместе взятые составляют праксис, включающий в себя такие элементы, как установление цели, поиск, реализация. В результате появляется

особая группа специалистов практического знания. Посредством этой группы внутри неё начинается поиск, составляющий один из элементов праксиса, изолируется и приобретает самодовлеющее значение. Цели определяются господствующим классом и реализуются классами трудящихся, изучение же средств резервируется за «техниками», которые составляют «третичный сектор», объединяющий ученых, инженеров, врачей, юристов, преподавателей и т.д. В целом эти «техники практического знания» не являются еще интеллигентами, но интеллигентны рекрутируются именно среди них, и нигде больше.

Сартр считал, что современные техники практического знания характеризуются тремя важными чертами.

I. Представители этой социальной категории, как правило, не принадлежат к господствующему классу, который, исходя из соображений прибыльности, определяет их число и функции, решает какую часть прибавочной стоимости следует выделить при сложившейся конъюнктуре на оплату их труда.

II. Формирование их идеологии (начальная и средняя школа) и приобретение необходимых специальных знаний и навыков (высшая школа) также определяются сверху, для того, чтобы подготовить их к двоякой роли – специалистов-исследователей и хранителей господствующих традиций и ценностей, которые они по мере надобности вправе приспосабливать к современности и отстаивать в борьбе с другими ценностями и традициями, опираясь на свои специальные знания, т.е., говоря словами Грамши, выполнять роль «функционеров надстройки».

III. Система классовых отношений автоматически регулирует социальный отбор техников практического знания, закрывает доступ в их ряды выходцам из рабочей и крестьянской среды, существенно ограничивает его даже для представителей средних классов, которые все же составляют основу данной социальной категории. Носитель технических знаний не имеет обычно контактов с рабочими, участвует в их эксплуатации путем получения части прибавочной стоимости, тем не менее цели, которым он служит, не являются его собственными.

Именно с этого, как он считал, и начинается интеллигент. Низведённый господствующим классом до положения техника практического знания, интеллигент страдает на различных уровнях от одного и того же противоречия. Будучи гуманистом по воспитанию, интеллигент не может не заметить, что уже сам по себе он является живым доказательством социального неравенства. Унаследованная

¹ Sartre J.-P. Plaidoyer pour les intellectuels. P., Galimard, 1972. 117 p. (Idee. 274).

или приобретённая им в трудной борьбе привилегия монопольного обладания знаниями находится в коренном противоречии с гуманистическими принципами равенства людей. Но поскольку он сам есть олицетворение этой привилегии, он может отказаться от нее, лишь упразднив себя как такового, чему препятствует присущий большинству людей инстинкт самосохранения.

Всякий раз, когда принципы и методы, разработанные философами XVIII в. и использованные буржуазией в борьбе с феодализмом, по словам писателя, применяются к анализу деятельности самой буржуазии, выявляется вопиющее противоречие между ее претензией на представительство всеобщих интересов и частнособственнической, классово-эгоистической практикой. К этим же выводам приводят и размышления о развитии современной науки и культуры, универсальность которых находится под строгим контролем. Достижения в этих областях не только не влекут за собой сглаживание неравенства, но, напротив, способствуют его углублению, так как ими пользуются, если не исключительно, то в первую очередь, представители имущих классов.

Таким образом, считал Сартр, в силу своего объективного положения и характера труда представитель практического знания обречён на вечное оспаривание действительности. Он чувствует, что власть одновременно нуждается в нём и держит его под подозрением, и здесь возможны два варианта в его поведении.

Первый выражается в том, что ученый принимает господствующую идеологию или смиряется с нею, практикует самоцензуру, становится аполитичным или агностиком. Во втором случае он отвергает свою роль агента господствующей идеологии, отказывается служить средством для достижения целей, которые ему неизвестны или не подлежат обсуждению. Именно тогда, когда он, по мнению других, начинает заниматься «не своим делом», он становится интеллигентом².

«В общем и целом всякий техник знания есть потенциальный интеллигент, поскольку он определяется противоречием, которое есть не что иное, как постоянно происходящая в нем борьба между универсализмом его техники и господствующей идеологией»³.

² Sartre J.-P. Plaidoyer pour les intellectuels. P., Gallimard, 1972. P. 38.

³ Там же.

Техник становится действительным интеллигентом не просто в силу принятого решения, но вследствие перипетий его личной судьбы, полагал Сартр, взрывающих присущую ему внутреннюю напряжённость под воздействием целого ряда факторов социального порядка. Низкий жизненный уровень может, с одной стороны, усилить зависимость техника практического знания от господствующих классов, но, с другой стороны, может толкнуть его в ряды протестующих, показывая, какое в действительности место отведено ему в обществе. Неспособность правящей верхушки предоставить вчерашним студентам должности, на которые они с полным основанием рассчитывали, также порождает у них чувство солидарности с наименее обеспеченными классами.

Отсеянные жесткой системой социального отбора не могут критиковать эту систему, не оспаривая общества в целом. В определённые исторические моменты, когда трудящиеся классы обрушиваются на старые ценности и господствующую идеологию, многие специалисты знания превращаются в интеллигентов, поскольку обнажившиеся в обществе противоречия позволяют им увидеть свою собственную раздвоенность. Превращение специалиста в интеллигента может быть вызвано действиями самих правящих классов, их попытками усилить влияние идеологии в ущерб научной истине, деформируемой до такой степени, которую уже не приемлет разум или совесть.

Чаще всего данные факторы действуют одновременно, указывая на наличие в обществе всеохватывающей системы противоречий. И хотя осознание последних в качестве конкретных реальностей происходит вначале на уровне профессиональной деятельности, оно представляет собой процесс обнаружения фундаментальных, противоречий, т.е. классовых конфликтов. Будучи историческим продуктом общества, разорванного на части, интеллигент носит в себе эту разорванность, и никакое общество не может пенять на свою интеллигенцию, не обвиняя при этом самого себя.

Ни государство, ни властвующая элита, ни группы давления, ни организации угнетённых классов или же непосредственно массы, по мнению Сартра, не апеллируют к интеллигенту и не признают его. Поэтому, если выдвигаемые им аргументы находят широкий отклик, то воспринимаются они как бы сами по себе, вне связи с их источником, анонимно, в качестве рассуждения, принадлежащего всем и каждому. «Интеллигент упраздняется

уже самым способом использования продуктов его интеллекта»⁴.

Оспаривая действительность, интеллигент выступает в роли следователя и начинает следствие с самого себя, чтобы найти способы трансформировать свою противоречивую сущность в гармоничное целое. Поскольку он рассматривает себя как продукт всей системы с ее структурами, идеологией, целями, ее праксисом, расследование обретает два диалектически взаимосведённых и дополняющих друг друга момента – постоянное проецирование себя в общество и, наоборот, общества в себя.

В силу этого интеллигент, как считал Сартр, не может подходить к анализу совокупной социальной реальности с объективных позиций, так как находит присущую ей противоречивость в самом себе, но и ограничиться субъективностью он тоже не может, будучи органически включённым в породившее его общество. Хотя диалектический метод расследования, навязанный интеллигенту объектом поиска, не осознаётся им до конца, он позволяет ему отойти от абстрактной универсальности, за которой скрывается лжеуниверсальность классовых интересов буржуазии.

Постоянно соотнося мир внутренний и мир внешний на почве анализа событий, ситуаций и поступков, интеллигент, размышляет Сартр, преодолевает заложенный в нем с детства разрыв между декларативностью общих принципов и реальной конкретностью и смыслом их применения в личной и общественной жизни. Сознывая себя по условиям жизни и труда избранным мелким буржуа, он в то же время вынужден бороться против своей социальной среды, которая под влиянием господствующего класса постоянно воспроизводит в нем буржуазную идеологию, мелкобуржуазные мысли и настроения. «Таким образом, интеллигент – это техник универсального, который замечает, что в его собственной вотчине нет законченной универсальности, что ее необходимо постоянно создавать»⁵. Он борется сам против себя и в силу этого воспринимает общество как борьбу социально и функционально разобщённых и обособленных групп за обретение статуса человеческой универсальности.

Интеллигент, убежден Сартр, почти всегда остается агентом практического знания, т.е. применяет присущие этому знанию методы исследования к ана-

лизу лежащей за порогом его компетенции реальности, которая представляется ему затуманенной из-за иррациональности и эффективности господствующей идеологии. Но он отнюдь не стремится к бесстрастному сугубо понятийно-рассудочному постижению принципов породившего и содержащего его общества. Он ведет свое расследование на всех уровнях, стараясь изменить себя как в плане рассудочного, так и чувственного восприятия, для того чтобы восстановить в себе и других подлинное единство личности, вернуть отнятое право определять цели, своей деятельности, ликвидировать различные формы отчуждения. С этой целью он стремится упразднить как социальные запреты, налагаемые существующими классовыми структурами, так и собственные психоограничительные навыки и самоцензуру.

Применяемый интеллигентом диалектический метод исследования, по мнению Сартра, не должен исходить сверху, из области абстрактного. Оспариваемая интеллигентом идеология воплощается не столько в форме свода четко выраженных положений, сколько в той манере, в какой она пытается представить (или замаскировать) происходящие события. Например, расизм или антисемитизм редко выступают как принципы, но зато часто обнаруживают себя на уровне событий и фактов, отражая тем самым сущность стоящей за ними идеологии. Таким образом, интеллигент всегда имеет дело с конкретными вопросами, на которые он может дать только конкретный ответ.

Сартр считал, что непосредственным врагом интеллигента является лжеинтеллигент, выполняющий роль сторожевого пса господствующей идеологии. Он тоже происходит из числа техников практического знания и претендует на строгую научность своих выводов. Некоторые мелкие функционеры надстройки чувствуют, что их интересы связаны с интересами господствующего класса и учитывают только данную им власть функционеров и не желают видеть в себе отчужденные личности. Лжеинтеллигент тоже начинает с оспаривания господствующей идеологии, но быстро выдыхается, действуя по формуле «нет, но...» «я это хорошо знаю, но все же...»⁶.

«Реформизм» лжеинтеллигента не только не убеждает интеллигента, но, напротив, радикализует его, поскольку сопоставление реформистских аргументов с их реальным значением и практическими результатами означает не что иное, как сохранение статус-кво, будь то социальное, колониальное или расовое угнетение.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Там же. С. 54.

Подлинный интеллигент не является ни моралистом, ни идеалистом. Для него универсальность мира – это не факт, а цель. Таково убеждение Сартра.

По своей сути интеллигент всегда на стороне угнетённых, но его позиции нельзя назвать научными. Он действует наощупь, без конца ошибается и вновь двигается дальше, не имея в своем распоряжении другой путеводной нити, кроме диалектической строгости поиска и радикализма. Ему необходимо взглянуть на переживаемое им противоречие со стороны, с определённой исторической дистанции» однако этому препятствуют конкретные условия его бытия, так или иначе затемняющие его сознание. «У него есть лишь одно средство понять общество, в котором он живет, – взглянуть на него с точки зрения самых обездоленных»⁷.

Последние представляют собой громадное большинство людей, обособленных угнетением и эксплуатацией, отчуждённых, как и техники практического знания, от целей своего труда. Их борьба против абсурдной обособленности есть в конечном итоге стремление к человеческой универсальности, основанной на ликвидации партикуляризма в создании бесклассового общества. И хотя сознание городских и сельских пролетариев может быть в той или иной степени отмечено буржуазной идеологией, этому сознанию присуща объективная интеллигентность, которая представляет собой не какой-то дар, но следствие их объективного положения, заставляющего смотреть на общество снизу вверх, с его основания, т.е. с уровня, наиболее благоприятного для радикализма идей и действий.

Принятие интеллигентом этой радикальной и простой точки зрения применительно к самому себе, по словам Сартра, обеспечивает ему ясное понимание своего истинного места в обществе, помогает избавиться от остаточных иллюзий реформизма, превращает его в революционера, сознающего, что массам не остается ничего иного, как сокрушить попирающих их идолов. «Теперь его новой задачей становится борьба против извечного воскрешения в народе парализующих его идеологий»⁸.

Но здесь, считает Сартр, возникают новые противоречия. Для неимущих классов интеллигент – чужой. Поэтому всякий интеллигент, стремящийся слиться с неимущими классами, чтобы усвоить их образ мышления, придать своим точным методам

основательность принципов, вытекающих из этого мышления, сразу же наталкивается на справедливое недоверие со стороны трудящихся, которые видят в нём прежде всего представителя средних классов, выполняющих роль сообщников буржуазии.

Интеллигенты прекрасно сознают это новое противоречие. Многие останавливаются перед возникшим препятствием. Одни испытывают постоянное искушение назваться или стать пролетариями; другие, отчаявшись, откатываются назад на позиции лжеинтеллигента. Еще одно искушение – вступить в партию – не решает проблемы. Недоверие остается и тем.

И всё же, по мнению Сартра, это препятствие не столь серьёзно, как кажется. Чтобы изменить мир, эксплуатируемым классам необходимо знать его, ясно представлять себе и свою исторически возникшую обособленность и ту борьбу, которую они ведут за достижение подлинно человеческой универсальности. Диалектическая взаимосвязь первого и второго постигается на уровне классового сознания. Именно на этом уровне интеллигент и может служить народу. И речь здесь идёт не о том, чтобы отказаться от своей принадлежности к средним классам, но чтобы использовать обусловленные его положением знания и опыт поиска для разъяснения эксплуатируемым классам их борьбы.

При этом интеллигент, согласно Сартру, должен постоянно подвергать себя самокритике, чтобы не впасть в иллюзорное представление о себе как представителе универсальности, поскольку выполняемые им функции теоретика – лишь один из моментов праксиса. Эти функции – борьба против возрождения в пролетарской среде идеологии господствующих классов, повышение культурного уровня народа, формирование (в меру возможного) для угнетённых классов техников практического знания, радикализация и уточнение промежуточных целей и средств борьбы трудящихся за достижение ими глобальной исторической цели, т.е. цели самого интеллигента – обретения человеком своей универсальности.

Интеллигент одинок, поскольку никто не уполномочивал его на борьбу. Для господствующего класса он изменник, в рабочей среде он тоже «не свой». Одиночество – его удел. Но основное переживаемое им противоречие (между универсальным характером ценностей, к которым он стремится по своему призванию, и классовым партикуляризмом реального мира) неотвратимо влечет его к движению обездоленных классов, поскольку по своей глубинной сути их цели те же, что и у него, ибо он есть воплощение противоречий общества в целом.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Там же. С. 63.

Оставаясь одиноким, интеллигент в то же время выполняет великую общественную миссию, стремясь сделать носимое в нем и осознанное им противоречие достоянием всех. «В силу самого противоречия он становится хранителем демократии: он ставит под вопрос абстрактный характер прав, даваемых буржуазной «демократией», не потому, что хочет их упразднить, но потому, что хочет дополнить их конкретными правами, даваемыми социалистической демократией, сохраняя в любой демократии функциональную истину свободы»⁹.

Если интеллигенты рекрутируются из числа специалистов практического знания (преподаватели, ученые, медики), то является ли интеллигентом писатель, чья профессиональная деятельность не ограничена какой-либо определённой областью знаний об окружающем мире?

Литературное произведение, считает Ж.-П. Сартр, может отражать мир объективно-социального или субъективно-личного, но в обоих случаях его содержание будет отвлечением от реально существующей данности уже в силу художественного обобщения, требующего от писателя возвышения, своеобразного полета над заземлённой конкретностью действительных фактов и событий. Даже самый объективный писатель незримо, но ощутимо присутствует на страницах своих книг и всегда желает этого. Это присутствие одновременно субъективизирует его работу, придавая

ей неповторимое своеобразие авторской индивидуальности, и объективизирует ее, пронизывая ее духом эпохи, породившей самого писателя.

В области точных наук исследователю, чтобы осознать смысл своего труда, необходима дистанция, выводящая его за пределы профессиональных функций. Писатель же, исследующий жизнь общества, сам является частью проводимого им «эксперимента», поэтому он постигает свою социальную роль непосредственно в процессе своего творчества, в котором отражается уровень и степень его включенности в данное общество. А поскольку оно полно противоречий, то писателю приходится сталкиваться с ними в самом своем ремесле, переживая их в форме отчуждения, овеществления духовного, фрустрации.

В то время как другие интеллигенты обязаны своим появлением противоречию между универсалистскими потребностями своей профессии и партикуляристскими интересами господствующего класса, стремление писателя к универсальности заложено непосредственно в выполнении им своей задачи. «В этом смысле он интеллигент не по случаю, как другие, а по своей сути. Именно в силу этого сам его труд требует, чтобы он поставил себя вне этого труда в плане теории и практики, где уже стоят другие интеллигенты»¹⁰.

Хотя мысли Сартра о роли интеллигенции сформулированы полвека назад, они сохраняют свою актуальность и для наших дней.

Список литературы:

1. Глебкин В.В. Можно ли «говорить ясно» об интеллигенции // Труды по культурной антропологии М., 2002. С. 91-116.
2. Корупаев А.Е. Русская интеллигенция в Интернете/Рунете: На материалах по теме: художественная культура, интеллигенция, предприниматели-меценаты в России на рубеже XIX-XX веков. М., 2009.
3. Корупаев А.Е. Русская интеллигенция. М., 1994.
4. Сартр Ж.-П. Что такое литература? / Пер. с фр. Н.И. Полторацкой. СПб., 2000.
5. Сиземская И.Н. О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. 2010. № 5. С. 79-85.
6. Спинова Э.М. В колдовом обществе иллюзий (К 30-летию годовщины выхода в свет монографии П.С. Гуревича «Социальная мифология») // Философия и культура. 2014. № 2. С. 261-270.
7. Sartre J.-P. Plaidoyer pour les intellectuels. P., Galimard, 1972. 117 p.

References (transliteration):

1. Glebkin V.V. *Mozhno li «govorit' yasno» ob intelligentsii* // Trudy po kul'turnoi antropologii M., 2002. S. 91-116.
2. Korupaev A.E. *Russkaya intelligentsiya v Internetе/Runete: Na materialakh po teme: khudozhestvennaya kul'tura, intelligentsiya, predprinimateli-metsenaty v Rossii na rubezhe XIX-XX vekov*. M., 2009.
3. Korupaev A.E. *Russkaya intelligentsiya*. M., 1994.
4. Sartr Zh.-P. *Chto takoe literatura?* / Per. s fr. N.I. Poltoratskoi. SPb., 2000.
5. Sizemskaya I.N. *O vnutrennem soglasii russkoi filosofii i literatury* // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 5. S. 79-85.
6. Spirova E.M. *V kolovorote obshchestvennykh illyuzii (K 30-letnei godovshchine vykhoda v svet monografii P.S. Gurevicha «Sotsial'naya mifologiya»)* // *Filosofiya i kul'tura*. 2014. № 2. S. 261-270. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10865).
7. Sartre J.-R. *Plaidoyer pour les intellectuels*. P., Galimard, 1972. 117 p.

⁹ Там же. С. 82-83.

¹⁰ Там же. С. 117.